

Виктор ВОЛЧКОВ

член Союза писателей России

От редакции. 3 декабря Виктору Волчкову, известному журналисту, прозаику, автору более десятка книг, исполняется 70 лет. Редакция альманаха «Амур» сердечно поздравляет писателя со славным юбилеем и желает ему крепкого здоровья, бодрости духа, творческого долголетия. Виктор Егорович, оставайтесь таким, каким Вас знают близкие, друзья, читатели, – великим оптимистом и жизнелюбцем, человеком азартным, неусидчивым, всегда устремлённым к активному познанию окружающего мира!

Предлагаем вниманию читателей альманаха подборку коротких очерков и рассказов В. Волčkова, в центре которых – непростая диалектика отношений человека с природой.

Рассказы

«Я БРОЖУ ПО КРАСКАМ ЛИСТОПАДА...»

Я решил обмануть осень. За несколько месяцев до её прихода посадил в бочонок с землёй саженец клёна и украсил им комнату. А сам думал: как здорово будет наблюдать это удивительной красоты дерево, когда придёт зима! И тогда в известную песню Сергея Есенина придётся внести поправки: при постоянном тепле листья с клёна наверняка не опадут.

И вот пришла осень. К моему недоумению, тёмно-зелёные листья дерева со временем стали приобретать сначала бурый, затем тёмно-багряный оттенки. А ведь температура в комнате держалась стабильно – градусов двадцать тепла.

Выходит, изменение окраски листьев зависит не от похолодания, а от чего-то другого? Так в чём же дело?

Ботаники пояснили: зелёный цвет растениям придаёт хлорофилл, который из неорганических соединений вырабатывает в конечном счёте углеводы. Но, кроме хлорофилла, в растениях присутствуют ещё и пигменты жёлтого и оранжевого цветов: ксантофилл и каротин. Летом зелень «забывает» эти оттенки, но осенью они берут своё. Берёзки окрашиваются в жёлтый цвет, виноград и лимонник – в тёмно-пурпурный, осины – в багряный.

Биохимики связывают осеннее разноцветье с гормональным циклом.

Осенняя смена листвы у деревьев сходна с нашими визитами к парикмахеру: надо же время от времени обновлять причёски! Только люди это делают регулярно, а деревья – раз в году.

СЕРЕБРИСТЫЕ ЗВЁЗДЫ ЭДЕЛЬВЕЙСОВ

Прежде всего скажем спасибо много лет отработавшей в школах Амурской области учительнице английского языка и журналистке Вере Александровне Овчар. И знаете, почему? Да потому, что именно она «подарила» амурчанам эдельвейс! Да, да, тот самый, что биологи да альпинисты находили высоко в горах; необычайно трогательный и красивый, история которого обросла многими легендами. Хотя слово «подарила» не совсем и

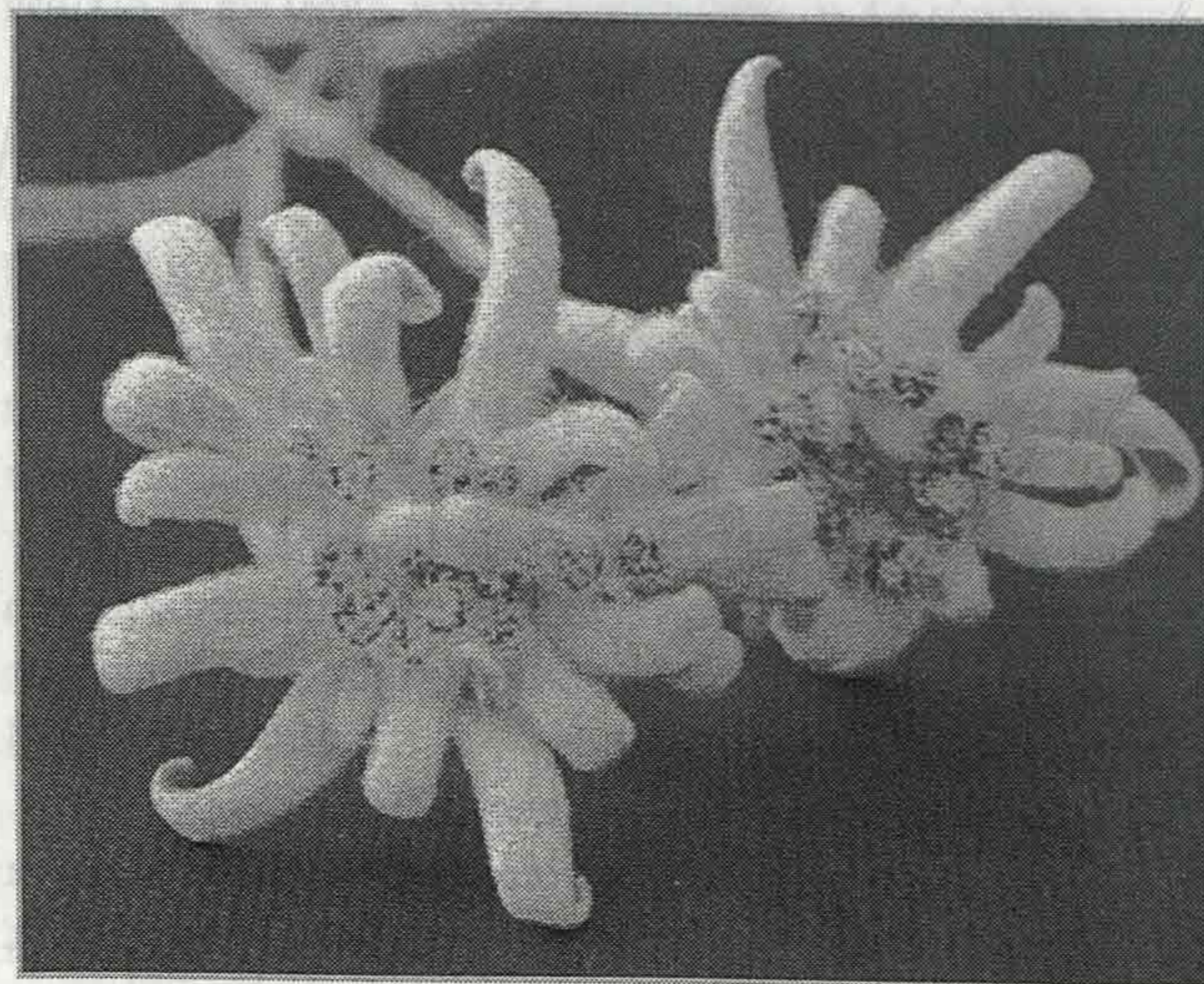
верное: в наших краях эдельвейсы были известны и раньше. Но, как говорится, мало кто знал их в лицо: как выглядят, чем примечательны, где растут... А Вера Александровна ответила на все эти вопросы в новелле «Эдельвейсы», опубликованной в книге «Родной амурской земле посвящается». Это издание о природе и об отношении к ней человека. Так вот, там, на цветной вкладке, и опубликована чудесная фотография эдельвейсов...

Впервые, как рассказывает Вера Александровна, эдельвейс она увидела в Монголии, где побывала однажды в качестве туристки. Среди экскурсантов были и немцы. И вот однажды эти парни вернулись с горного маршрута. Лацканы их курток были украшены бледно-серыми цветками с зеленоватым оттенком, с бархатистыми лепестками.

– Это эдельвейсы, – пояснили немцы. – У нас, в Германии, они на вес золота, так как чрезвычайно редки. Растут высоко в горах, чаще всего попадают на глаза только специалистам-ботаникам да альпинистам. Последние очень стараются разыскать этот цветок, чтобы, спустившись вниз, подарить его дамам сердца. А в соседней с Германией Швейцарии бытует легенда, что нашедшему эдельвейсу гарантированы любовь и признание.

– Честно говоря, – признаётся Вера Александровна, – тогда я не до конца поверила в услышанное. Мало ли что можно придумать! И лишь через пару лет убедилась, что была не права.

...Ей пришлось побывать в краеведческом музее города Улан-Удэ. Там её внимание привлёк такой же цве-

ток, что несколько лет назад она увидела в Монголии, запомнившийся необычайной формой, строгой окраской, какой-то беззащитностью. Ей подтвердили: да, это эдельвейс, в Бурятии такие встречаются. Но ещё больше удивилась Вера Александровна, когда увидела растущие эдельвейсы на одной из дорог близ города Свободного. Позднее она разыскала эти цветы у подножия лесистых сопек, на берегах речек Большой и Малой Пёры, в районе Свободненского аэропорта.

— Да этих цветов полно вокруг, — сказали жители села Желтоярово. Действительно, в Свободненском районе растут даже два вида эдельвейсов — скученный и эдельвейсовидный. Греческое название этого цветка — *Leontopodium*, что переводится как «львиная нога». Действительно, стебель-ножка — в серебристом опушении, цветок венчает серебристо-белая звезда, которую ошибочно принимают за цветок. Но это не так. «Звезда» собрана из подцветовых листочков. Их может быть шесть, восемь, десять или двенадцать. Но непременно чётное число.

А своей неизвестностью в Амурской области эдельвейсы обязаны, как ни странно, биологам, популяризаторам науки. Один из дальневосточных специалистов-ботаников, Светлана Шлотгауэр, в своей книге «Моя Джугджурия» пишет: «Эдельвейсы очень редки в Приамурье, их можно встретить лишь в горах Баджаловского и Буреинского хребтов, а также на Сихотэ-Алине».

Спрашиваю у доктора биологических наук Амурского филиала Ботанического сада-института Валентины Михайловны Старченко: откуда, мол, такое ошибочное мнение?

— Видите ли, Светлана Шлотгауэр работала по высокогорной флоре на хребтах Становом, Джугджуре, Геране... Кстати, территория последнего — поистине царство эдельвейсов. Только там они другого вида, чем в Приамурье, — бледно-жёлтые — *leontopodium ochroleucum*. А на равнине эдельвейсы даже не предполагались.

— Получается, как у Крылова: «Слона-то я и не приметил»?

— В какой-то мере.

...Может, хоть теперь в амурской флоре эдельвейс займёт достойное место?

ЗАЛЁТНЫЙ ГОСТЬ

Ни метеорологи, ни прочие граждане уже не удивляются причудам нынешнего амурского климата, которые, скорее всего, связаны с образованием рукотворного Зейского водохранилища. Повысилась влажность, сгладились пики зимних и летних температур, и, как следствие, заметно изменились границы ареала многих видов флоры и фауны. Стали интенсивнее культивировать садоводство: посадки яблонь и вишен ни для кого уже не в диковинку. О потеплении климата свидетельствуют и стаи голубых сорок, которых можно встретить даже в зоне БАМа. Встречали на севере амурской тайги белоплечих орланов, а на весенних перелётах — стерхов. А однажды

автор этих строк видел ещё одного редкого «залётного гостя» — беркута, визиты которого в Амурскую область являются большой редкостью.

В ту пору мы охотились вблизи Сиваков — есть такая железнодорожная станция в Магдагачинском районе. Зимовье находилось в верховьях большой речки со странным названием «Боря»: говорят, что имя своё она получила в честь одного сивакского лесоруба. Долина речки имеет ширину в 150-200 метров и просматривается отлично. Особенно зимой, когда на деревьях нет листвы. В устьях впадающих в речушку ключей частенько встречаются косули — про это мы постоянно помнили. Но в тот раз нам не повезло, никакой дичи на всём протяжении «путика» мы не встретили.

Объяснить такое невезение помогло раздавшееся карканье вороньей стаи: кричали сразу десятки птиц. А таёжникам известно: вороны собираются в стаю, когда есть пожива, когда косуля или лось попали в беду — и, значит, быть бесплатному пиру. Не стовариваясь, мы свернули с натоптанной тропы и стали спускаться к речке, откуда доносился шум.

И увидели такую картину. Лиственницы противоположного берега Бори были густо облеплены вороньём. На ином дереве их было так много, что птицы образовывали чёрные гроздья, будто бы свисающие с ветвей. Что же заставило пернатых собраться в громадную стаю?

Присмотрелись внимательней — и в сотне метров от ворон увидели сидящего на вершине засохшей сосны беркута. Он выделялся тёмно-бурым оперением, массивным корпусом, светлыми полосами на хвосте и крыльях. Вороньи крики предназначались именно ему. О существе «разборки», в общем-то, можно было догадаться. «Отдохнул — и хватит! — очевидно, орали вороны. — Ну-ка, взлетай! Ищи косуль, убивай их! — надсаждались они в крике. — Ешь сам и дай нам насытиться. А то ведь навалимся всем скопом — перышек не соберёшь! Видишь, нас сколько!...»

Конечно, за точность перевода «с птичьего языка» поручиться трудно, но смысл, видимо, передан правильно. Кстати, в ту зиму мы неоднократно натыкались на растерзанных косуль. Поначалу грешили на волков или браконьеров: и тех, и других в окрестностях хватает. Но после внимательного осмотра поняли, что ошибаемся. Нападали на животных сверху. Скорее всего, это делал беркут, больше некому.

Мы пересчитали ворон на одном дереве, перемножили их количество на число деревьев, где расселись птицы. Получилось как минимум полтысячи особей...

Раздался выстрел — и воронья стая сорвалась с деревьев. Поднялся и беркут, набирая кругами высоту. Вороны поднимались за ним тёмной галдящей массой. Минут через пять «царь птиц» был, пожалуй, уже на полукилометровой высоте, вороны же проглядывались тёмными точками.

Ни одна из них не покинула стаю. Знали: рано или поздно беркут снова выследит косулю. Насытится сам — а кое-что с «царского стола» достанется и им, воронам. Пусть и «объедки» — они птицы не гордые, сетовать не будут...

Не по той ли причине и у людей рядом с «залётными гостями» всегда так много сопровождающих?

СОБАЧЬЯ ВЕРНОСТЬ

Однажды старший оперуполномоченный Зейского уголовного розыска Николай Островский проговорился, что за многие годы работы он напугался всего один раз. И вовсе не при встрече с уголовниками и рецидивистами, из схваток с которыми всегда выходил победителем. Та история произошла в глухой тайге, где на добрые десятки километров человека не встретить.

А было это так. В Зейский горрайотдел милиции позвонили из Бомнака и сообщили: погиб оленевод Яковлев. Повторилась история, описанная Григорием Федосеевым в повести «Последний костёр»: вспыхнула палатка, и проводник его многих экспедиций Улукиткан задохнулся в дыму, — помните?.. Вместе с другими оленеводами Яковлев возвращался на оленях в Бомнак. Остановились на метеостанции Локшак, отстоящей от посёлка более чем на сотню километров. Решили здесь заночевать: мол, за оставшееся световое время до Бомнака не доехать. Яковлев не согласился с остальными, в дальнейший путь отправился один. Но не подрасчитал силы и вскоре убедился, что его товарищи были правы: без ещё одной ночёвки путь не одолеть. И поставил на берегу Зеи палатку. Печка у него имелась, к подобным ночёвкам эвенк привык, заготовка дров не была в тягость. И вот уже в палатке нагрелся воздух, можно устраиваться на ночлег. Чтобы не выдувалось драгоценное тепло, эвенк крепко-накрепко зашнуровал выход из своего временного жилья. Уснул быстро, усталость взяла своё. Но внезапно изменилось направление ветра, дым погнало в палатку. К сожалению, этого Яковлев не почувствовал: вероятнее всего, угорел во сне. А потом, вслед за дымом, из печки выбросило и огонь, вспыхнули припасённые на ночь дрова, а там и палатка. По крайней мере, так «прочитали» трагедию задержавшиеся на Локшаке эвенки.

— Зря торопился, — сетовали они.

На место происшествия выехал Николай Островский. До Бомнака добрался на самолёте, а дальше, в верховья застывшей Зеи — на совхозном вездеходе, водителем которого был Анастас Никифоров. К вечеру были у цели. Островский самым внимательнейшим образом осмотрел место происшествия. Впрочем, к рассказу эвенков прибавить было нечего. Чёрное выжженное пятно на берегу, обугленный труп оленевода — так он всё это и представлял. Необходимые замеры были сделаны, место сфотографировано, останки погибшего помещены в кузов вездехода. Никифоров с Островским решили не ночевать в тайге, а хоть к утру, но добраться до Бомнака. В пути время летит быстрее, чем на стоянке. Двигатель на вездеходе был старенький и масла «ел» много. Зная этот дефект, Анастас запасся двадцатилитровой канистрой с маслом: ёмкость стояла в кузове, прикреплённая к заднему борту проволокой. Не взбираясь в кузов, её можно было достать и, залив нужное количество масла в двигатель, вернуть на место. Кажется, предусмотрено было всё. От места происшествия отъехали уже километров тридцать, когда Анастас, взглянув на датчик, решил остановиться и долить масла в двигатель. Для него нашлась

работа в кабине, а принести масло он поручил Островскому.

Николаю не хотелось лишний раз лазить в кузов, смотреть на труп оленевода. Он прошёл к заднему борту, отвернул брезентовый полог и стал нашаривать эту самую ёмкость. И вдруг с ужасом почувствовал, как внутри кузова кто-то схватил его за руку мёртвой хваткой.

— Была ночь, середина марта, мороз под сорок, — рассказывал позже он. — А с меня ручьём пот хлынул. Ведь отлично знаю, что в кузове никого нет. Разумеется, кроме обгоревшего трупа. Ну как тут не поверишь в мистику! Даже про пистолет забыл, на какое-то мгновение отключился начисто...

А потом он услышал рычание. Доносилось оно из кузова. Что за чёрт?.. Вспомнив про фонарик, Николай выхватил его из кармана — и высветил жёлтые глаза, уставившиеся на него...

Позже выяснилось, что с Яковлевым была собака. Спала она, разумеется, не в палатке, а снаружи. После пожара убежала в тайгу — и вернулась лишь когда вездеход отправился в Бомнак. Некоторое время бежала следом за вездеходом, а потом запрыгнула внутрь кузова. И улеглась рядом с хозяином, охраняя его, как велел собачий долг.

ПОВЕРИЛИ ЛЮДЯМ

Весна в тот год на БАМе выдалась ранней. Уже к концу апреля не осталось снега на вершинах хребтов, да и реки вскрылись рано. Кое-кто из строителей «магистрала века» уже поспешил сменить надоевшие за зиму телогрейки на более лёгкие и не стесняющие движения куртки. И только «старички», как называли тех, кто работал на трассе с первых дней её строительства, не спешили расставаться с привычной одеждой, ожидая от набухшего весеннего неба подвоха.

И оказались правы. В ночь на первое мая замело, запуржило — даже зимой такого не было. К утру всё оказалось под толстым слоем снега, в том числе и «бронепоезд» Ивана Варшавского (как называли передвижной посёлок из железнодорожных вагончиков), к которому пришлось раскапывать дорожки.

И только на полотне сооружаемой магистрали снега не было — он стоял за счёт тепла, нааккумулированного рельсами, шпалами и гравием. Можно было идти работать. Тем более что приближалась «золотая стыковка» магистрали и на счету был не только каждый день, но и час тоже.

Бригада прибыла к месту укладки железнодорожного полотна, очередное звено рельсов уже поднял путеукладчик...

И тут со стороны перевала раздался гогот гусиной стаи. Тревожный, обеспокоенный, настойчивый. С высоты птичьего полёта темнеющая трасса БАМа выглядела единственным местом, где можно совершить посадку, отдохнуть, переждать непогоду. Всё остальное было под снегом.

Обычно осторожные гуси на этот раз вели себя сверхдоверчиво. Спустившись на железнодорожное полотно, они потоптались и легли, спрятав мокрые головки под крылья. И только вожак, несмотря на усталость, остался стоять у рельсов с вытянутой вверх шеей. Людей, конечно, он видел отчётливо, но стаю не поднимал. Может, понимал, что живым существам негоже в таких вот экстремальных ситуациях обижать друг друга.

Иван Варшавский, впоследствии удостоенный высокого звания Героя Социалистического Труда, первым опустил молоток, которым забивал костыли в шпалы.

— Пошли домой, ребята, — сказал он. — Кто же в такой обстановке работает... А упущенное наверстаем, не впервой...

Говорят, что бригада Ивана Варшавского совсем немного отстала по темпам укладки спешащей ей навстречу бригаде Александра Бондаря. Скорее всего, это произошло потому, что ребята Варшавского на несколько часов уступили своё рабочее место севшей на отдых гусиной стае.

ЖЕСТОКОСТЬ

Лучшего грибника, чем путевой обходчик дядя Стёпа Хивинцев, в посёлке лесозаготовителей Сиваки сыскать было трудно. И хоть не всегда выдавалось урожайное лето, в его кладовой грибов всегда имелось в избытке. И маринованных, и сушёных, и солёных. Да не каких-нибудь волнушек с сыроежками, а груздей, причём так называемых сырых: тяжёлых, словно из свинца вылитых. С цельносваренной картошечкой они — одно объедение.

Да вот беда: прежде чем есть, их собрать надо! Но мест, где водятся сырые грузди, в окрестностях Сиваков не так уж много. А дядя Стёпа где-то в тайге «имел» такую груздëвую плантацию. И быть может, не одну. Потому что тайгу знал как свои пять пальцев. Но открывать грибные уголья другим не спешил. Причины вполне понятные: зачем лишний конкурент? Наши дома стояли рядом, и я несколько раз напрашивался дяде Стёпе в попутчики. А он всё отнекивался. То мотоцикл у него сломался, то дорога ему слишком плохая... Но вот однажды, когда я совсем разуверился насобирать на зиму грибов, дядя Стёпа согласился.

— Только ружьё с собой не бери, — предупредил он.

Почему он поставил такое условие, я поначалу не понял. Шёл сентябрь, пора отлёта на юг уток и гусей, охота на которых была разрешена. Охотничий билет тоже был в порядке. В общем, ружьё, честное слово, не помешало бы... Но пришлось подчиниться.

И вот едем от Сиваков в сторону теперь уже прекратившей своё существование железнодорожной станции Борячка. Дорога и впрямь вся в выбоинах, ямах, ухабах, — кроме мотоцикла, по ней ни на какой другой технике и не проедешь. Поверх энцефалитки дядя Стёпа зачем-то надел ярко-красный жилет — униформу ремонтников

железной дороги. Я удивился: в тайге такой наряд ну никак не нужен. За версту ведь заметен.

Добраться до моста через Сухой Онон, как называлась речушка, бегущая здесь лишь во время сильных дождей, нам удалось лишь за полчаса, потом свернули налево, в сторону туйских марей. Наконец наша техника упёрлась в непроходимое болото.

— Ну вот, — сказал дядя Стёпа. — Грузди будем собирать здесь...

Мы отправились к белеющей в полукилометре берёзовой роще. Дядя Стёпа шёл впереди. Двигался он не спеша, — как показалось, даже осторожно, словно ожидая какой-то запланированной встречи. Но с кем?.. А дядя Стёпа и про грибы, похоже, забыл. Он то и дело озирался по сторонам. Наконец, — очевидно, заметив искомое, — приказал мне:

— Стой здесь и не двигайся!

И зашагал к лесной опушке. А дальше я увидел такое, что своим глазам не поверил. Ему навстречу вышла молодая косуля, по всей вероятности, сеголетка. Дядя Стёпа достал из кармана кусок хлеба, густо посыпал его крупной солью и протянул животному. Те пять минут, которые ушли на то, чтобы косуля взяла корм из рук человека, я смотрел на них, затаив дыхание.

— Теперь понял, почему я не разрешил брать ружьё? — тихонько сказал он, подойдя ко мне.

— Да разве на такое чудо у меня поднялась бы рука?! — воскликнул я. — Но как удалось её приручить?

Их знакомство началось так. В начале лета дядя Стёпа рыбачил в верховьях речки Ту и наткнулся на погибающего от голода детёныша дикой косули. С мамашей что-то случилось. Хивинцев подобрал малыша, отогрел своим телом и даже выпоил пол-литра молока, которое брал с собой для ужина. С козлёнком пробыл весь день. Домой вернулся без рыбы, но обретя нового знакомого. На следующий день он тоже нашёл козлёнка на прежнем месте. Со временем малыш уже без боязни выходил к человеку.

В тот день мы с дядей Стёпой набрали по паре вёдер отличнейших сырых груздей, которых здесь действительно было в изобилии. Когда возвращались, я, всё ещё находясь под впечатлением от встречи с животным, сказал:

— Слишком уж ты приручил косулю. Выйдет она ненароком к другому человеку, и убьют, чего доброго...

Дядя Стёпа улыбнулся.

— Тут одна хитрость есть, — ответил он. — Я подхожу только в красном жилете, в каком был первый раз. Косуля привыкла к этому цвету. А без него близко не подпускает...

На секунду он призадумался, потом добавил:

— Может, доживёт до зимы, немного времени осталось. А там прибьётся к другим косулям. Глядишь и выживет...

Уже в октябре я однажды спросил его о козлёнке: как он там? Дядя Стёпа от моего вопроса помрачнел.

— Убили его браконьеры. И я чуть было не поймал их на месте преступления.

И рассказал следующее. В конце сентября он снова отправился за грибами, снова к своему «kozyрному» месту. Неподалеку от выхода тропы к железной дороге ему повстречались трое выходивших из леса парней, – видимо, грибников. На одном из них была болоньевая куртка, расцветкой напоминая ярко-красный путевый жилет дяди Стёпы. На миг шевельнулась смутная тревога, но дядя Стёпа поспешил отогнать её. «Нет, не

может быть...» И, к сожалению, ошибся: косуля к нему не вышла. Тогда он по периметру стал обходить берёзовую рощу и наткнулся на останки животного, разделанного несколько часов назад. По всей вероятности, той самой тройкой ребят, что ему повстречалась пару часов назад.

Обманутый красным цветом куртки, козлёнок простодушно шагнул навстречу своей гибели...

Павел НИКИТКИН

выпускник БГПИ 1980 года,

член Союза российских писателей и Союза художников России

От редакции. Мы рады опубликовать на страницах нашего альманаха рассказ юбиляра – замечательного «творца и человека» Павла Маркеловича Никиткина. Ему нынче – 60! Слово и глина одинаково послушны ему – как гармонь в привычных руках героя его рассказа – Ивана Берёзина. Умение извлечь «музыку» из сдержанных скупых слов и красок, без надрыва погрузиться в сокровенные глубины человеческой души, не претендуя, между тем, на познание её, сохраняя благоговение перед её несказанной тайной – вот то, что отличает почерк мастера. Пожелаем же ему творческой неуёмности, новых радостных открытий себя и мира!

Рассказ

САРАТОВСКИЕ СТРАДАНИЯ

Станиславу Демидову посвящается

В кабинет, где находились Станислав с Радием Степановичем, приоткрылась дверь, и в проёме возникли две совершенно одинаковые физиономии. Одинаковые ярко-рыжие вьющиеся волосы, одинаковые голубые глаза, одинаковые, словно выполненные по одному трафарету, конопушки на курносых лицах.

– Здрасьте. Извините, – проговорила одна из них. – Здесь проходит конкурс гармонистов? Мы батю привезли.

Дверь распахнулась полностью, и на пороге вырисовались три фигуры. Две покрупнее и покруглее с уже знакомыми лицами, а третья, что посредине, имела формы угловатые и лицо пожилого чернявого мужчины.

– Проходите, присаживайтесь, – Радий Степанович, на правах хозяина кабинета, жестом указал на свободные стулья. – Конкурс проводили мы, но, к сожалению, вы немного опоздали. Отбор закончен.

– Ну вот, что я вам, оболтусам, говорил? А вы: поехали да поехали! Только деньги зря прокатал и день потерял.

– А вы откуда добирались? – поинтересовался Станислав.

– Из Сосновки, – дуэтом ответили братья.

– Им-то всё равно ехать нужно было – учатся здесь в институте. А я зачем припёрся? Только день потратил, – вновь пожалел мужчина.

– А гармонь ваша где? На чём играть собирались? – спросил Радий Степанович.

– Гармонь? Гармонь пала на поле битвы. Семейной... Вот видите, – обратился он к сыновьям, – и гармошки здесь нет.

– С инструментом вопрос мы решим, – сказал Радий, забыв что «отбор закончен». – Если студия не занята... Идёмте.

– Вот видишь, всё хорошо, а ты боялся, – подбодрил отца один из сыновей. – Не робей, батя! Пока. Нам на занятия не опоздать бы.

Студия оказалась свободна.

Радий взял стоявшую в углу на полу гармонь:

– Это один из конкурсантов временно оставил. На чужой сыграть сможете? Кстати, давайте познакомимся. Меня зовут Радием Степановичем, это – Станислав Матвеевич. А вас как?

– Иван. Иван Берёзин. Если люди на ней играют, то почему я не смогу? Что играть?

– А что можете?

– Полонез Огинского, «Танец маленьких лебедей», «Танец с саблями», «Чардаш», «Мурку». Много чего могу.

– Играйте, что самому нравится, – Радий Степанович сел за пульт.

Через пять минут мелодии то легко и нежно гладили потолок студии, то морскими волнами бились о сте-